

Пришла настоящая весна, и туризм в Гардзе оживился. В гостевом доме стали понемногу появляться новые лица, а родители Кан Чжэ с окончанием напряжённой поры в полях, стали часто помогать в гостинице. Тан Юйхуэй нашёл самый уютный уголок — террасу на крыше, от которой Кан Чжэ дал ему ключи.

Их уединение нарушили постепенно прибывающие гости, но Тан Юйхуэй не возражал, потому что получил более чем приятную компенсацию — он обожал наблюдать, как Кан Чжэ принимает туристов. Это стало его ежедневным *made my day* (с англ. делало его день).

Тан Юйхуэй обнаружил, что способ Кан Чжэ справляться с беспокойством предельно прост: он, прикрыв веки, бесцельно глядя в пространство, расфокусировал взгляд и не произносил ни слова. Но стоило Кан Чжэ посмотреть на человека чуть дольше, и даже самые настырные и наглые гости начинали мямлить либо сдавались под гнётом молчания, либо шли к более сговорчивым родителям Кан Чжэ.

Кроме того, как и предполагал Тан Юйхуэй, Кан Чжэ умел быть одновременно и холодным, и милым. Он мог невозмутимо отклонить приглашение туриста пойти в поход, а также с лёгкостью справлялся с флиртом симпатичных девушек. Многие пытались заманить Кан Чжэ — с разными намерениями, но он всем отказывал. Тан Юйхуэй каждый день мысленно убеждал себя, что Фудзиямой нельзя владеть единолично, но это не помогало усмирить его восторг. Часто в хорошем настроении он прятался наверху с книгой. Когда Кан Чжэ был свободен, он брал его с собой на прогулку, а когда был занят, позволял Тан Юйхуэю самому брать ключи.

Однажды, проснувшись с отпечатком клавиатуры на лице, Тан Юйхуэй понял, что укрыт большим толстым красным пледом Кан Чжэ. Позитивные изменения, даже если их не афишировать, окружающие всё равно ощущают. Хотя он не хвастался, Кэ Нин даже на расстоянии понял, что Тан Юйхуэй переживает счастливый, пусть и необычный, роман. Кэ Нин так терзался невысказанными тревогами, что почти не смыкал глаз, но как лучший друг Тан Юйхуэя не находил в себе сил сказать и слова упрёка. Поэтому Кэ Нин мог лишь использовать этот период невероятно хорошего настроения Тан Юйхуэя, чтобы основательно накачать его несколькими порциями дешёвых куриных бульонов для души — скормить Тан Юйхуэю массу банальных утешительных советов и историй.

И это сработало. Тан Юйхуэй почувствовал, что жизнь становится прекрасной, в глазах влюблённого мир вновь обрёл краски. По совету Кэ Нина он взял себя в руки и внезапно почувствовал, что все перенесённые ранее предательства, унижения и холодное отношение лишь мелочи, раны от которых преувеличивало его собственное самолюбие. Тан Юйхуэй не был тем, кто действует по принуждению, не был он и слабым, и уж точно никогда не выглядел несчастным или вызывающим жалость. Он был достаточно силён, чтобы иметь мужество

начать всё сначала.

Под влиянием не слишком искреннего искусственного куриного бульона от Кэ Нина и собственного огромного влюблённого мозга Тан Юйхуэй вдруг ощутил колоссальную разницу в размерах между небом, землёй и муравьём, удивившись, как он мог застрять в таких ничтожных невзгодах. Если бы Кан Чжэ посмотрел на это, он бы наверняка счёл его переживания каплей в море.

Нельзя было назвать это восстановлением уверенности в себе, но Тан Юйхуэй смутно постиг некое всеобъемлющее, невыразимое словами величие. Мечты большей, чем эта, у него уже не было. Этот тернистый путь, принёс ему прекрасный небесный свет, к которому он так стремился.

В тот вечер на закате Тан Юйхуэй, укутавшись в плед, читал на крыше научную статью. Рядом стояла чашка остывшего чая с маслом, который Кан Чжэ приготовил ему перед уходом. Кан Чжэ никогда не готовил гостям масляный чай. Кан-старший, конечно, умел его готовить, но, положив руку на сердце, его чай получался не таким вкусным, как у Кан Чжэ. Отец Кан Чжэ был добросердечным и приветливым, чай — недорогим: если гости заказывали заранее, чайник обходился в двадцать юаней. Тан Юйхуэй пил его каждый день, но с него никогда не брали денег.

Кан Чжэ вывел несколько коз из гостевого дома на пастбище в горах. Он сказал, что Цзясэ увидеть не удалось, но нужно равномерно распределять дождь и росу — оказывать всем должное внимание. Слово «милый» Тан Юйхуэю уже порядком надоело, поэтому, вдыхая аромат масляного чая, он подарил Кан Чжэ, который как раз собирался выходить, долгий поцелуй. Кан Чжэ на редкость нежно и проникновенно ответил, и Тан Юйхуэй, словно подчиняясь некоему правилу, начал таять.

Однако, когда они были на середине поцелуя, Кан-старший внезапно вышел из главного зала во двор. Тан Юйхуэй, мельком увидев его, сильно испугался и случайно прикусил нижнюю губу Кан Чжэ. Отец их не заметил, но Кан Чжэ улыбнулся одновременно холодно и ласково и — силы в руках ему было не занимать — крепко ущипнул Тан Юйхуэя за талию.

Ко времени возвращения Кан Чжэ алые облака мало-помалу уступали место сумеркам. Тан Юйхуэй провёл весь день на крыше, и кончик его носа снова покраснел от солнца. Его кожа была тонкой и белой, а едва заметный пушок над вишнёво-красными губами казался благословением свыше.

Кан Чжэ быстро загнал коз, постоял во дворе, некоторое время глядя на круг заходящего солнца на крыше, достал сигарету, подумал, убрал её обратно и направился к лестнице.

Тан Юйхуэй сосредоточенно читал научную статью, как вдруг его обняли сзади и подняли на руки. Он вздрогнул от неожиданности, конечности среагировали раньше мозга — он руками и ногами вцепился в единственную опору, всем телом повиснув на Кан Чжэ, боясь пошевелиться. Только сердце, словно сжатый барабан, стучало глухо и громко.

Кан Чжэ, однако, не смотрел на Тан Юйхуэя, а сосредоточенно уставился в экран компьютера. Одной рукой он поддерживал Тан Юйхуэя под бёдра, давая ему чувство безопасности, чтобы тот не упал. Тан Юйхуэй, забыв китайский, судорожно пытался подобрать слова, даже его произношение стало каким-то обжигающим:

— Ты... что делаешь?..

Кан Чжэ не ответил, сосредоточенно дочитал последние строки на странице, а затем посмотрел на Тан Юйхуэя и улыбнулся:

— Не понимаю.

Эта мимолётная улыбка лишила Тан Юйхуэя дара речи во всех параллельных вселенных этого мгновения. Его сердце внезапно сжалось, и он подумал, что на свете не может быть никого

очаровательнее Кан Чжэ. Тот освободил другую руку и немного приподнял Тан Юйхуэя. Центр тяжести Тан Юйхуэя сместился вверх, но он всё так же покорно висел на Кан Чжэ, обхватив руками его шею и прижавшись пылающей щекой к его ключице.

— Подними голову, — сказал Кан Чжэ.

Тан Юйхуэй послушался. Кан Чжэ поцеловал его в веко, опустил обратно в кресло, взъерошил волосы, коснулся губами лба и, не сказав ни слова, развернулся и ушёл вниз. Тан Юйхуэй долго смотрел на экран компьютера, откуда на него бессмысленно взирал бездушный шрифт. Он не понимал почему так хочется плакать, но безмолвное, огромное, испытанное только что счастье заставляло его дрожать. Это счастье пугало Тан Юйхуэя, потому что в тот миг он вдруг захотел сказать Кан Чжэ: «Я люблю тебя».

Сумерки окрасили его глаза красным, багрянец облаков царил на небесном своде. Тан Юйхуэй сидел неподвижно, выглядя одновременно сияющим и печальным. Пока небо не потемнело и всё вокруг не затихло, он, не зная, сколько времени прошло, так и сидел, пока не получил сообщение от Кан Чжэ: «Ты же всё время говорил, что хочешь пасти коз. Что скажешь, если завтра свожу тебя?»

Тан Юйхуэй посмотрел на сообщение, прижал пальцем уголок глаза, ответил: «Хорошо» — и медленно закрыл ноутбук.

Люди романтизируют пастухов, вероятно с давних времён. Этот древний и суровый образ всегда сопровождают ветры бескрайних степей, бесконечные звуки флейты и всё, что связано со свободой. Солнце светит ярко и чисто, белые облака над горными пиками принимают причудливые формы.

Тан Юйхуэй размышлял, что его выходы из дома были просто перемещением между координатами — скучными и ничем не примечательными. Но когда куда-то уходил Кан Чжэ,

это напоминало путешествие. Каждый раз, видя, как тот возвращается с пастбища, Тан Юйхуэй ощущал, будто Кан Чжэ преодолел тысячи гор и рек.

Однако пасти коз оказалось куда сложнее, чем представлял Тан Юйхуэй. Неизвестно почему козы, обычно столь послушные, с Тан Юйхуэем вели себя на редкость непокорно. Сколько он, обливаясь потом, ни старался собрать их, они не поддавались, а некоторые так и норовили уйти куда глаза глядят. Тан Юйхуэй, доведённый до отчаяния был вынужден обратиться за помощью к Кан Чжэ, который лениво наблюдал за процессом со стороны. Как только Кан Чжэ взялся за дело, козы тут же стали покорны. Если Кан Чжэ шёл на восток, они не смели идти на запад. Тан Юйхуэй, глядя на это, поневоле злился и втайне ругал их за двуличие.

Когда козы были загнаны для выпаса на склон, Кан Чжэ отвёл Тан Юйхуэя на обратную сторону холма, где они улеглись бок о бок. Тан Юйхуэй вдыхал густой, суховатый аромат травы. Ветер, дующий с гор, тихо скользил между ними. Тан Юйхуэй повернул голову и взглянул на Кан Чжэ. Тот посмотрел в ответ и улыбнулся:

— Ты ведь говоришь по-испански?

— Ага, — ответил Тан Юйхуэй. — Хочешь выучить?

— Я не буду учить, — сказал Кан Чжэ. — Я каждый день буду читать тебе на тибетском твои сборники стихов, а взамен ты будешь читать мне на испанском буддийские сутры. Как тебе?

— Но зачем? — Тан Юйхуэй на мгновение замер. — Разве Будда поймёт?

Кан Чжэ подумал и сказал:

— Не поймёт, наверное. Я тоже не пойму.

Тан Юйхуэй был очень растерян, но не стал отказываться. Как он мог отказать Кан Чжэ? Это

была словно манна небесная: он и мечтать не смел, что эти строки ему будет читать любимый человек. В последующие дни Кан Чжэ каждый день брал его на склон пасти коз. Архаичная, глубокая речь напоминала бронзовые светила, что словно оживали в чтении Кан Чжэ. Все слова и фразы, которых он не понимал, Тан Юйхуэй переводил на тот язык любви, что тайно лелеял в своей душе. Согласно уговору, он мучительно переводил в голове заковыристые сутры, а затем неуверенно декламировал их вслух.

Однажды его мысли унеслись. Кан Чжэ вполуха слушал, как тот читает буддийские сутры, солнечный свет пробивался сквозь облака и падал им на макушки, вдалеке слышалась чилийская песня. Тан Юйхуэй, глядя в глаза Кан Чжэ, негромко промолвил:

— Люблю твоё молчанье.

После того как они закончили этот бессмысленный диалог на трёх языках, Кан Чжэ согнал всех коз обратно и на мотоцикле отвёз Тан Юйхуэя к реке. Они присели на корточки у развилки небольшого ручья. Тан Юйхуэй снял носки, обнажив белые, как снег, ступни. Кан Чжэ повёл его к группе самых острых и зазубренных камней и заставил Тан Юйхуэя встать на них босиком. Как только нога Тан Юйхуэя коснулась камня, он слегка поморщился:

— Немного больно.

Кан Чжэ взглянул на него и равнодушно сказал:

— Разве ты не знаешь? У местных тибетцев есть популярная традиция — ходить по этим камням для массажа акупунктурных точек. Очень полезно для здоровья.

— Правда?.. — медленно моргнул Тан Юйхуэй.

Он послушно постоял на камнях некоторое время. Его босые ноги, омываемые ледяным ручьём, побелели. Камни и правда были слишком острыми. Тан Юйхуэй поднял ногу — ступни были в красных пятнах. Кан Чжэ подхватил Тан Юйхуэя и, посадив его на мотоцикл, смеялся, извиняясь и говоря, что он пошутил. Обманутый Тан Юйхуэй медленно и ошеломлённо

установился на злодейский клык, надолго замер, потом дёрнулся и, словно вымещая злость, нашёл его губами и коснулся кончиком языка.

Кан Чжэ рассмеялся ещё сильнее. Он показал образцовое покаяние обманщика: опустился на корточки, положил ладони на колени Тан Юйхуэя, поднял голову и долго-долго целовал его.

Автору есть что сказать. «Бронзовые светила» — отсылка к поэзии испанского поэта Федерико Гарсии Лорки.

Переводчику есть что добавить. ИИ рассказал, что фраза «Люблю твоё молчанье» взята из стихотворения испанского поэта Пабло Неруды *Me gustas cuando callas*. Склонна верить тому, что Тан Юйхуэй не просто говорит на испанском, а цитирует стихотворение. К тому же, стихи прекрасные. Перевод взят отсюда <https://art-of-arts.livejournal.com/238372.html>

Люблю твоё молчанье. Пабло Неруда

Люблю твоё молчанье — как будто ты исчезла,

Мой голос не проникнет в твой удалённый грот.

Глаза мои стремятся найти тебя, как прежде,

Но поцелуй мой, видно, навек сомкнул твой рот.

Вселенские предметы мою впитали душу,

И ты из вещной сути возникла, полнясь мной,
Как бабочка весной, вдруг кокон свой разрушив,
Как слово меланхолия, полна моей душой.
Люблю твоё молчанье, когда ты так далёка
Что голос твой дрожит, словно бабочки крыло.
Так далеко отсюда, что мой потерял голос
В молчанье твоих улиц: что было, то прошло.
Позволь и мне доверить тебе своё молчанье,
Пусть ярким светом лампы, простое, как кольцо,
Оно расскажет тайну галактик и созвездий,
Где звёзды молчаливо хранят твоё лицо.
Люблю, когда молчишь ты, как будто вдруг исчезнув.
Мне больно: ты далёка, как будто умерла.
Брось мне одно лишь слово, одну улыбку — в бездну,
Мне больше и не нужно, я рад, что ты была.
Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.
Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130177>